

УДК 94(47) 084.6

Т.А. МУХАМАТУЛИН**«ИСПАНИИ НУЖНО СВОЕ ЧК»: СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО И
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ (1936–1939 гг.)
В «ПИСЬМАХ ВО ВЛАСТИ»**

канд. ист. наук

Институт российской истории РАН

E-mail: tmukhamatulin@gmail.com

Статья посвящена реакции советского общества на события Гражданской войны в Испании (1936–1939) на материале «писем во власть». Активная часть советского общества обращалась к функционерам высшего уровня, реагируя на ситуацию в Испании. Автор показывает, что в огромном большинстве случаев люди, принадлежащие к разным социальным, возрастным и половым группам, приняли пропагандистские установки кампании солидарности и выражали поддержку Испанской республике. Основным мотивом стало желание уехать в Испанию добровольцем, которое, однако, не поддерживалось властями.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании, советское общество, Г.М. Димитров, М.И. Калинин, добровольчество, пропаганда.

Важным способом коммуникации человека с властью между человеком и государством в советском обществе стали «письма во власть». При этом изучение подобных документов началось лишь в последнее двадцать лет¹. В форме письма могли воплощаться разные жанры: они могли быть и обращением, и доносом, и заявлением, и просьбой о помощи². По выражению Ш. Фитцпатрик, их написание «стало главным развлечением на досуге» [1, с. 181]. Следует заметить, что «письма во власть» стали источником для целого ряда исследований по социальной истории [2–4], при этом традиция «писем во власть» не прервалась с ликвидацией СССР – они, по-прежнему, поступают в органы власти и становятся объектом исследования [5]. Тем не менее, «письма во власть» как реакция жителей СССР на войну в Испании до сих пор не становились объектом исследования историков. Более того, тема реакции общества на Гражданскую войну в Испании (1936–1939), которая

¹ *Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям.* М., 2002.

² Опыт разбора массива подобных текстов и их классификацию по жанрам см. [1, с. 181–229].

стала одним из важнейших внешнеполитических событий 1930-х годов для советского общества, в литературе пока не рассматривалась³.

В современной литературе ведется дискуссия о причинах столь активного участия СССР в испанских делах. Как кажется, глубокую и широкомасштабную кампанию солидарности с Испанией [6, 7], нашедшую самые разнообразные выражения, вызвала совокупность внешне- и внутривнутриполитических факторов. Главным внешнеполитическим фактором стало желание СССР принять участие в разрешении испанского конфликта, поддержав республиканское правительство. Для того чтобы показать миру необходимость включения Советского Союза в Комитет по невмешательству, созданный для урегулирования испанского конфликта, была инспирирована кампания митингов в поддержку правительства Народного фронта в этой стране. Однако не следует сбрасывать со счетов и внутривнутриполитическую ситуацию в СССР: в период крупных политических процессов в стране, первый из них прошел осенью 1936 г., власти была необходима дополнительная мобилизация населения⁴.

Стоит заметить, что с начала августа 1936 г. в прессе стал создаваться положительный образ республиканской Испании. Подчеркивалось, что события в этой стране преемственны событиям в России времен Гражданской войны: борьба с восставшими представителями «старого мира» (церковниками, офицерами, буржуа), иностранная интервенция, введение курсов ликвидации безграмотности, эмансипация женщины и т. д.

В газетах постоянно печатались сообщения о различных проявлениях солидарности. На страницах центральных и местных изданий публиковались резолюции многочисленных митингов, письма трудящихся с выражением сочувствия и поддержки республиканцам, а также сообщения о перечислении денежных средств в созданный Фонд помощи женщинам и детям Испании. В таких условиях активные граждане не могли использовать такого популярного канала коммуникации с властью. Чаще всего адресатами становились функционеры, наиболее часто выступавшие в советской прессе

³ В советской историографии авторы ограничивались констатацией всенародной поддержки испанских республиканцев советскими людьми и приведением фактов их «интернационального поведения». См.: *Львунин Ю.А.* Интернационализм в действии: международные связи советского рабочего класса в годы социалистического строительства. М., 1985; *Солидарность народов с Испанской республикой, 1936–1939.* М., 1972.

⁴ Стоит заметить, впрочем, что причины, побудившие СССР активно реагировать на события в Испании, являются по сей день предметом дискуссии. В литературе существуют разные точки зрения по этому вопросу, см.: *Cowalski D.* Stalin and the Spanish Civil War. N. Y., 2004; *Шубин А.В.* Великая испанская революция. М., 2011; и др.

по поводу испанских событий: генеральный секретарь Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) Г.М. Димитров⁵ и председатель Верховного Совета СССР, первый председатель Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР М. И. Калинин.

К сожалению, количественные характеристики для данного типа документов крайне затруднительны – из-за «искусственной разорванности информационной базы», свойственной для государственного делопроизводства советской эпохи в целом [8, с. 138]. Так, например, одно письмо в связи с испанскими событиями отложилось в разрозненных документах из отделов ЦК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120). В личном фонде В.М. Молотова есть известное письмо В.А. Антонова-Овсеенко, посвященное его назначению генеральным консулом СССР в Барселоне, и еще несколько упоминаний об Испании. Также около десятка писем, посвященных Испании, отложились и в фонде М.И. Калинина (РГАСПИ. Ф. 78). В свою очередь, в фонде Коминтерна (РГАСПИ. Ф. 495) отложилось целое дело писем к Г.М. Димитрову, состоящее из нескольких десятков документов. Тем не менее, можно сказать, что данный массив достаточно показателен, так как адресатами выступали разные деятели, эти письма писали люди в разных городах и республиках СССР, их авторами были советские граждане и политэмигранты, люди различного возраста.

Среди этих писем исследователь не обнаружит ни одного, автор которого бы протестовал против советской политики в Испании. Лишь один корреспондент по фамилии Дружинин выражал возмущение тоном советских газет при освещении испанских событий, называя реплики «Правды» «прямым бахвальством» и утверждая, что «в случае поражения престиж СССР будет поколеблен благодаря нерешительной (несмотря на решительные речи) политики в отношении Испании». Впрочем, наряду с эмоциональной реакцией, письмо Дружинина содержит и конкретные предложения: он считал, что необходимо прямое военное вмешательство в Испанию⁶. Даже О. Белова из Москвы, у которой обиду вызвало дарение «рубиновых звезд» лидерам Республики перед тем, как подобным образом отметить лидеров Советского государства, оговаривалась, что переживает за испанцев, как и все советские

⁵ На существование этого массива документов автору указал Г. Альберт (Билефельдский университет). См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 217 а. Также анализ этих документов см.: *Alberti Gleb J.* «To help the Republicans not just by donations and rallies, but with the rifle»: Militant Solidarity with the Spanish Republic in the Soviet Union, 1936–1937 // Неопубликованный доклад на конференции «Solidarities that Know no Boundaries. Transnational Advocacy in Historical Perspective», Ньюкасл-апон-Тайн (Великобритания), 30 марта 2012 г.

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 217 а. Л. 92.

люди⁷. Вообще «реагирующих» писем, содержащих только эмоциональную реакцию или какие-либо нереалистичные предложения, в массиве Димитрова мало. Можно заметить, что один из корреспондентов – москвич Чалый – настаивал на том, что «Испании нужно свое ЧК», а также «сталинское руководство армией». Но он также делает и конкретное предложение – необходима «широкая интервенция» – в частности, с применением самолетов и танков⁸. Еще один москвич по фамилии Перельштейн «мучительно думает» об угрозе химической атаки в районе Мадрида, и предлагал через Коминтерн пригрозить фашистам «всеобщей забастовкой рабочих»⁹. Ленинградец Калецкий предлагал прекратить разгрузку немецких кораблей, но говорил при этом об английских портах. Правда, при этом он признал, что у англичан «возникнут материальные затруднения», которые нужно будет решать. Для этого он хотел создать специальный компенсационный фонд и провести петиционную кампанию против невмешательства¹⁰. Отправить в Испанию 300–500 коммунаров – такова была идея москвича Афанасенко, который считал, что этих сил хватит, чтобы «сделать перелом на фронте»¹¹.

Многие авторы предпочитали делиться с Димитровым конкретными идеями, в основном в области военной тактики и изобретений. Так, активен в изобретательском рвении был житель г. Починка В. Ефременков. Он прислал Димитрову два изобретения. Первое – бронебаррикадная повозка, которая позволяла бы республиканцам передвигаться по открытой местности без потерь. К письму прилагался также чертеж изделия. Вторым изобретением была «хитрая ловушка», которая помогла бы «уничтожить несметное количество фашистов». «Огромную полосу укрепления слабого сделать вроде баррикад, причем в ширину на 400 метров всю эту территорию зарядить динамитом и засыпать землей дернами так, чтобы это было незаметно и вообще никто не обнаружил, иначе пропадет все дело. Затем от каждого динамита провести электрические шнуры с каким-нибудь маленьким приборчиком» – описывал механизм ее действия корреспондент Димитрова. Желаемым следствием ее использования становился управляемый взрыв, в результате которого должны были погибнуть фашисты. Конечно, возможно, речь в данном случае шла о психически нездоровом человеке, ведь Ефременков также посылал Димитрову свою фотокарточку, жаловался ему на то, что его не пускают в санаторий и т. п. Но то, что умы изобретателей-самоучек были в это время направлены на Испанию, говорит о том, какой острой и актуальной была тема для совет-

⁷ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 652. Л. 12.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 217 а. Л. 63–70.

⁹ Там же. Л. 79.

¹⁰ Там же. Л. 82–91.

¹¹ Там же. Л. 34.

ских людей¹². «Во власть» отправлялись и конкретные военно-тактические идеи. Так, в отдел транспорта и связи ЦК ВКП(б) поступило письмо от бывшего капитана танкера Ленникова, предлагавшего операцию по уничтожению крейсеров мятежников «Канариас» и «Амиранте Сервера». Он подробно описывал военно-морскую операцию с применением подводных лодок и танкера в качестве «живца». Любопытна приписка, в которой автор просил «не обращать внимание» на то, что он исключен из ВКП(б) «при проверке документов и что решение подтверждено (без расследования)»¹³. Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов желание продемонстрировать свою лояльность (и полезность) партии в таком важном вопросе со стороны опального моряка.

Но самый важный мотив отправить письмо Димитрову или какому-то другому руководителю – это желание отбыть в Испанию добровольцем. Конечно, часто с подобной просьбой обращались в Коминтерн молодые люди. Например, студент механического института им. Баумана И. Мелис утверждал, что «считает себя мобилизованным» в ряды Интернациональных бригад¹⁴, 21-летний латыш Ж. Круминыш отмечал, что из-за хорошего знания языков «его подданство трудно будет установить». Его мотив – «желание помогать [...] не только приношениями и митингами солидарности, но и винтовкой»¹⁵. Письма такого рода приходили не только от молодежи, но и от людей среднего возраста, которые часто апеллировали в письмах к своему опыту Гражданской войны. Так, Ю. Вейде из Рыбинска утверждает, что «он бил Врангеля под Перекопом»¹⁶, просился отбыть на Пиренеи и 50-летний шахтер Шинковский, который переселился в Новосибирск и тоже напоминал своим опытом Гражданской войны. Иногда люди говорили о своих военных навыках. Так, К. Андртаевский и Л. Денисенко из Киева отмечали свое умение обращаться с пулеметом, «всеми видами стрелкового оружия». Корреспондент Филиппов из Ленинграда указывал, что он уволился из РККА, а его земляк Даньшин сообщал, что закончил Артиллерийскую Академию¹⁷. Иногда даже близость к используемым на войне средствам становилась аргументом в глазах автора: так, группа шахтеров из Макеевки подчеркивала свою работу с «взрывчатыми веществами», что должно помочь испанцам на фронте¹⁸.

В условиях, когда участие советских граждан в Интернациональных бригадах и их пребывание в Испании было глубоко законспирировано, предста-

¹² Там же. Л. 9–25.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 263. Л. 58–59.

¹⁴ Там же. Ф. 495. Оп. 73. Д. 217 а. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 4–6, 8.

¹⁷ Там же. Л. 1–3, 42, 44, 51.

¹⁸ Там же. Л. 26–27.

вители национальных меньшинств считали, что это может стать их преимуществом. Так, серб Тресиглавич из Краснодара писал, что «как нацмен серб, желал бы поехать на фронт в Испанию, защищать интересы революционных трудящихся Испании». Туда же хотел бы отбыть кореец Н. Енму, который перебежал в СССР в 1923 г., а в 1935 г. был исключен из партии при обмене партийных документов. Он утверждал: «Если Испания находилась бы на востоке, то я не желал бы ехать, а Испания находится на западе, от Японии – несколько десятков тысяч километров»¹⁹.

Многие просившиеся добровольцами на фронт имели сложности по партийной линии. Так, вышеупомянутый капитан был исключен из партии, Южак из Новочеркасска многословно заявлял: «Партийный проступок имею один – в 1923 г. В период работы помощником т. Сталина я совершил проступок, продиктованный соображениями сторонника ЦК, но нанесшего вред партии. Форма проступка была вредительская и характеризовала меня с извратной (так в документе – *Т.М.*) стороны [...]. В своей последующей жизни я дал образцы, достойные коммуниста [...], я хочу получить счастье доказать центральному комитету, что [19]23 год, про который мой личный друг, уполномоченный КК по Саратовскому краю, пишет, что эпизод [19]23 года меня не характеризует как партийца, что это действительно так [...]. Я не осрамлю нашего партийного знамени трусостью»²⁰. История Южака любопытна: за неопределенными формулировками скрывается то, что он в начале 1920-х годов входил в круг приближенных Л.Д. Троцкого и передал ему документы из секретариата И.В. Сталина, что вызывало гнев самого генерального секретаря. Удивительно, что Южак вообще к концу 1936 г. еще был на свободе²¹. Экс-работник советского торгпредства Кожевников отмечал, что имеет взыскание, но оправдывал это тем, что «партком п[од]о[т]дела Профинтерна старого состава не отличался чуткостью (это видно из истории с незабвенным тов. Ф. Геккертом)»²². Более того, он сообщал, что после взыскания «получил хорошую характеристику» на заготовке овощей и картофеля. А упоминавшийся выше Шинковский пытался даже сделать это своим козырем: «Считаю, что ошибки, через которые я прошел, будучи с 1907 по 1917 г. анархо-коммунистом в обстановке настоящих событий в Испании [...] помогут в практической деятельности по перековке их (анархистов – *Т.М.*) в кадры, идущие под знаменем марксизма».

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 217 а. Л. 30, 53.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ *Albert G.* «To help the Republicans not just by donations and rallies, but with the rifle»: Militant Solidarity with the Spanish Republic in the Soviet Union, 1936–1937 // Неопубликованный доклад... Р. 11.

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 217 а. Л. 62.

Очень важно, что идеи добровольчества циркулировали не только среди гражданских лиц. Подобное желание было и у солдат действующей армии, причем оно сохранялось на протяжении всей Гражданской войны в Испании. Так, весной 1938 г., когда пик общественного интереса к этой стране был уже давно пройден, на имя Л.З. Мехлиса продолжали поступать письма с просьбой отправиться в Испанию. Мотивации авторов подобных заявлений разнообразны. Например, авиамеханик из Орши Шапиро связывает свою идею с международным положением: «Я в докладной писал, что в ответ на обострившееся международное положение остаюсь для укрепления оборонной мощи РККА. Имею сильное желание быть посланным для оказания возможной помощи героическому испанскому народу в его борьбе против итало-германского фашизма»²³. А политрук 20 авиабатальона Фролов считает, что поводом для его посылки в Испанию стали бы его заслуги: «я комсомолец с 1931 г., кандидат в партии с 1937 г.,[...] окончил школу младших авиаспециалистов на стрелка-моториста. [...] Политруком я работаю около 3 месяцев. В рядах РККА я остался пожизненно. В армии имею ряд поощрений, в том числе и денежные вознаграждения, получил часы. [...] Партия и комсомол вырастили из меня политического руководителя [...] Я хочу это доверие оправдать, сражаясь на фронтах Испании или Китая с фашистами и это доверие я с честью оправдаю»²⁴.

Однако отъезд на Пиренейский полуостров мог видаться и жестом отчаяния, завуалированной, но почетной формой самоубийства. Так, старая революционерка М. Журавлева (Борецкая) жаловалась Калинину, что ее выселяют из комнаты, и делала вывод: «Куда же дальше идти? Я не знаю. Разве только на фронт в Испанию, где хоть возможно будет быстро и с честью умереть»²⁵.

Таким образом, можно сказать, что добровольчество было основным мотивом написания «писем во власть» по поводу испанских событий. М.Т. Мещеряков утверждает, что «ЦК ВКП(б), партийные организации, Совнарком и военкоматы буквально были завалены заявлениями советских добровольцев, желавших выехать в Испанию, чтобы сражаться с фашизмом» [9, с. 52]. Это подтверждается и замечаниями В.И. Вернадского, который в своем дневнике отмечал: «Сейчас очень большое желание – но не пускают. Внук Насонова объяснился и ему сказали, что нужны специалисты, а простых солдат много и в Испании» [10, с. 118]. Добровольчество в Испании могло стать настоящей идеей-фикс – подтверждением чему служит письмо харьковского рабочего Шелейко, отправленное М.И. Калинину. В нем гово-

²³ РГВА. Ф. 9. Оп. 34 с. Д. 2. Л. 220.

²⁴ Там же. Л. 247.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 592. Л. 49.

рилось о том, что молодой человек, страстно мечтающий о месте в Интернациональной бригаде, готов к самоубийству и даже отказывается от брака, «пока не будет разрешен вопрос в Испании»²⁶.

Тема событий на Пиренеях была актуальной для многих слоев советского общества. Среди авторов писем – рабочие, служащие, представители технической интеллигенции, студенты, красноармейцы. Резко бросается в глаза, что было выявлено лишь одно женское письмо: в Испанию помогать тяжелораненым просилась политэмигрантка Л. Гольдвассер, проживавшая в Ленинграде. Правда, причина ее желания уехать заключалась в том, что в Испании был ранен ее возлюбленный – серб И. Зеeman²⁷. Отсутствуют письма от крестьян. Возможно, деревня в этот период вообще была меньше заинтересована в событиях внешнего мира, возможно, мобилизационные настроения там направлялись в русло колхозного строительства. Как правило, корреспонденты Димитрова – это жители крупных столичных городов, таких как Москва, Ленинград, Киев, или, напротив, сравнительно небольших – Рыбинска, Новочеркасска, Починка, Клинцов и т. д. Почти полное отсутствие авторов из новых индустриальных центров (кроме группы шахтеров из Макеевки и рабочего из Сталинграда) также свидетельствует в пользу того, что подобные настроения там канализировались работой на «стройках коммунизма»²⁸.

Ставить под сомнение искренность абсолютного большинства корреспондентов невозможно. Даже писавшие под очевидным политическим и идеологическим контролем пионеры и комсомольцы вносили что-то свое, личное в эти тексты. Однако обилие людей с партвысказываниями, стремящимися попасть в Испанию, возможно, объясняется их банальным нежеланием попасть в маховик репрессий. Ведь первый Московский процесс состоялся в августе 1936 г., то есть как раз в начале «испанской осени». Вероятно, наиболее умные и опасливые граждане, запятнанные связями с оппозицией или «врагами народа», хотели в данный момент покинуть пределы Родины, хотя во многих случаях это стремление могло сочетаться с искренним желанием помогать республиканцам.

Стоит при этом заметить, что подобная активность властями как минимум не предусматривалась и не поощрялась. Так, на запросы об отправке в Испанию добровольцем приходил стереотипный ответ: «Сообщаем Вам по этому поводу, что советское правительство не занимается вербовкой добровольцев для Испании» [11, с. 128]. Отправка добровольцев была официально

²⁶ Письма во власть. С. 405–406.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 217а. Л. 60–61.

²⁸ Подробный анализ проблемы мобилизации и роли подобных настроений в советском обществе см.: Никонова О.Ю. «Просим считать нас мобилизованными», или война как фактор социальной мобилизации // Проблемы российской истории. № 5. Магнитогорск, 2005. С. 230–263.

запрещена: весной 1937 г. был издан соответствующий приказ Наркомата обороны. В нем говорилось: «Всем состоящим в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии военнослужащим рядового, командного и начальствующего состава запретить выезд в Испанию для участия в происходящих в Испании военных действиях»²⁹. Стоит заметить, что не поступало ответа и на те письма, в которых не содержалось просьбы о добровольчестве.

Судя по тому, что советские пропагандистские клише повторялись в письмах почти в газетном виде, можно сказать, что политически активная и лояльная часть населения усвоила их и приняла, то есть по отношению к ним советская пропагандистская кампания достигла цели. Так, рабочий из Сталинграда Оленников утверждал: «Я отдаю себя за дело пролетариата, а также применить свою трудовую закалку и кузницу». Москвич Попов, признавая свою слабость (в 1922 г. был ранен) пытался обыграть это в свою пользу: «Испанские женщины не крепче физически, чем я, не более обучены военному делу, чем я, а сражаются вовсю»³⁰. Естественно, в этом суждении слышны отзвуки статей о героизме испанских женщин, активно публиковавшихся в газетах и, возможно, даже самого образа Д. Ибаррури.

Интересно, что на фоне интериоризации этих установок в массовом советском сознании, «присвоение Испании», то есть включение Испании в единое с Советским Союзом культурное пространство, наблюдалось крайне редко. Так, группа пионеров из Винницкой области обращалась к испанским сверстникам по-украински³¹. С учетом подчеркнутого внимания к развитию национальных языков и культур в СССР (в том числе, и украинской), это выглядит естественно – точно так же естественно, как отправка в Испанию пластинок с народными песнями и танцами, ведь она уже кажется корреспондентам частью СССР. Второе письмо было написано М.А. Поповым, который оказался на прииске в Свердловской области. Он жаловался на недостаток информации о событиях внешнего мира: «Как сюда я приехал, ни одной газеты не видел, и не знаю, что делается в Испании и что у нас в Советском Союзе»³².

Особняком в общем массиве стоят письма, отправленные в Испанию советскими пионерами и комсомольцами по линии их организаций. Эти документы разнородны, есть стереотипные обращения, явно продиктованные извне. Например, привет испанцам шлет районная конференция комсомола в Запорожье, а рабочие крутильной фабрики в Ржеве утверждали: «Рабочие нашей фабрики решили организовать сбор средств доблестным бойцам рес-

²⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 81. Л. 123.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 217 а. Л. 45, 56.

³¹ Там же. Ф. 533. Оп. 8. Д. 2619. Л. 6.

³² Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 592. Л. 76.

публики, ждите от нас второе письмо, а вместе с ним – наши подарки Вам»³³. Но есть в этом массиве и несколько более личных документов, написанных, как правило, от руки. Детская аудитория очень показательна, так как она в наименьшей степени скована внутренней самоцензурой. Судя по упомянутым письмам нет сомнений, что дети действительно сочувствовали испанским событиям. Пионер Кадников писал, что «наше сердце невольно заполняет радость, когда мы смотрим на страницы "Пионерской правды" и видим на ней сводку о победе испанского Народного фронта против озверелых пиратов фашистских государств (так в оригинале – *Т.М.*)»³⁴. Особенно интересно в данном случае сознательное или бессознательное копирование поведения и фразеологии взрослых. Тринадцатилетний школьник из Москвы В. Мудров писал: «Я уверен, что лозунг "No pasaran!" Испанский народ осуществит. Фашизм получит смелый лобовой удар». Частичка искреннего интереса в его рукописном письме – желание «рассказать о себе», в частности то, что ему 13 лет, а он «уже учится в седьмом классе»³⁵.

Также в эту среду проникла идея о преемственности Гражданской войны в России по отношению к Гражданской войне в Испании. Так, пионеры Мерефянской транспортной школы писали: «Мы, пионеры [...], очень интересуемся вашей жизнью, учебой и борьбой против фашизма [...]. Наши отцы и матери в 1917 г. в Октябрьскую революцию свергли власть капиталистов и установили власть Советов»³⁶.

Таким образом, можно смело сказать, что активная часть советского общества (самого разного социального статуса и возраста) приняла официальную версию происходящего в Испании, заключавшуюся в том, что в этой стране идет война между мятежниками-фашистами и законным правительством, и что долг каждого советского человека самыми разными способами поддерживать республиканское правительство. Самым популярным мотивом писем стало «добровольчество» – желание поехать воевать на стороне Республики. Однако оно стало своего рода «побочным эффектом» и не было принято властями. У этого решения есть несколько причин. С одной стороны, внешнеполитическая ситуация не позволяла СССР напрямую участвовать в испанском конфликте, с другой, любая внутривнутриполитическая активность по «советизации» новой территории могла снова сделать актуальной в массах идею «мировой революции», отчетливо связанную в общественном сознании с троцкизмом, что было нежелательно в период политических процессов над «троцкистами».

³³ Там же. Ф. 533. Оп. 10. Д. 2619. Л. 25.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 10. Д. 2619. Л. 17.

³⁵ Там же. Л. 19.

³⁶ Там же. Л. 9.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Фитцпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. 376 с.
2. *Зубкова Е. Ю.* Повседневное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. 230 с.
3. *Лившин А.Я., Орлов В.Б.* Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002. 208 с.
4. *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2008. 336 с.
5. *Дугушина А.* Советское в современных письмах властям // Конструируя советское?: Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. СПб., 2011. С. 70–76.
6. *Комиужов А. А.* Национально-революционная война испанского народа 1936–1939 гг. и советское общество: автореф. дис. ... к.и.н. Киев, 1979.
7. *Мухаматулин Т.А.* «Мадрид 1936 г. – это Петроград 1919 г.»: Гражданская война в Испании сквозь призму Гражданской войны в России // Родина. № 12. М., 2011. С. 117–118.
8. *Соколов А.К.* Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. 687 с.
9. *Мещеряков М.Т.* Испанская республика и Коминтерн (национально-революционная война испанского народа 1936–1939 гг. и политика Коммунистического интернационала). М., 1981. 222 с.
10. *Вернадский В.И.* Дневник 1935–1941. М., 2006. 295 с.
11. *Шубин А.В.* Великая испанская революция. М., 2011. 610 с.

T.A. MUHAMATULIN

"SPAIN IS NEED TO ITS OWN THE CHEKA": THE SOVIET SOCIETY AND THE SPANISH CIVIL WAR (1936–1939) IN THE "LETTERS TO THE AUTHORITY".

This article is devoted to the analysis of the soviet society's reaction on the events of the Spanish Civil war (1936–1939) according to the materials of the "letters to the authority". The active part of the Soviet society in response to the situation in Spain appealed to the high-level functionaries in the form of written applications. The author shows that the vast majority of people belonging to different social, age and sex groups fell under the influence of the propaganda campaign of solidarity began to express support to the Spanish Republic. Lot of the Soviet citizens wanted to go to Spain as volunteers for a help to the revolutionists, however, the government was not sought to maintain such aspirations of its own citizens.

Keywords: Spanish Civil War, Soviet society, Dimitrov, Kalinin, volunteering, propaganda.